

Памятник А. Н. Островскому у Малого театра в Москве.

ГОРЬКОВСКАЯ ПРАВДА 14 ИЮН 1961 г. Горький

ПЬЕСЫ ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ — эпоха в развитии русской драмы! Его творческая деятельность продолжалась сорок лет. Он написал пятьдесят пьес. В культурной жизни нашего народа значение Островского огромно. Он охватил своими оригинальными сочинениями время, наполненное большими социальными конфликтами — от крепостного права до появления первых марксистских кружков, его взору открывались процессы роста капиталистических отношений, вызревания крестьянской революции, в это время создавалась русская революционная демократия, он наблюдал, как она боролась и с крепостниками и с либералами.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

На сцене нашего национального театра, созданного Островским, действуют тысячи его персонажей: купцы, помещики, актеры, чиновники, рабочие, мещане, бродяги, в исторических хрониках — цари, самозванцы, бояре, послы, стрельцы, крепостной люд, посадские, дьяки, земские ярыжки, воины. Какое разнообразие характеров, лиц, событий — и везде правда художественных наблюдений, глубокий психологизм, ярчайшая живая речь.

В один из февральских вечеров 1847 года мало кому известный литератор решил прочесть в кружке профессора Московского университета Погодина свою сатирическую комедию «Банкрот», позднее получившую название «Свои люди — сочтемся». Александру Николаевичу в то время было двадцать четыре года. Он читал свою пьесу в присутствии Гоголя, читал артистически. Его поддержали. Ему пророчили славу: «Он начал необыкновенно», — говорил потом Тургенев.

Шли годы. Современники зорко следили за новыми выступлениями драматурга. Чернышевский предостерегал его от идеализации старины. Добролюбов открыл в его пьесах целый мир борьбы «старших и младших, богатых и бедных, своевольных и безответных». Некрасов считал его замечательным художником.

Речь героев Островского, его сценический язык великолепны. Его творчество прекрасно, как музыка. В нем заключена правда жизни. Путь драматурга был открытым, честным и мужественным, хотя порою писатель, по выражению Чернышевского, соскальзывал на «тенистую тропу». Одно дело «Свои люди — сочтемся», «Гроза», «Доходное место» — это вершины критического реализма, и совсем другое — приукрашивание патриархальности в «Бедности не порок», любование Васильковым в «Вешенных деньгах» или своеобразные черты толстовства у Веры Филипповны в пьесе «Сердце не камень».

«Если собрать все, что обо мне писали до появления статей Добролюбова, то хоть бросай перо», — заявлял Островский, обнажая свою душу: критерий правды служил ему верным компасом — и не вина, а беда, если в отдельных случаях драматург забывал о нем.

Островский был не только трудолюбивым мастером, но и вдохновенным творцом — открывателем истины: ремесло и искусство для него несовместимы.

Островский резко и гневно выступал против самодуров-хищников, и это не нравилось славянофилам. В конце концов антидворянская направленность Островского слилась с антибуржуазной. Образ темного, непроходимого, дикого леса, созданный Островским, включает в себя и купца Восьмибратова наряду с помещицей Гурмыжской: художник знает задолго до Чехова, до «Вишневого сада», что для хозяйничанья Гурмыжских и Восьмибратовых характерны гнилые пенки — таков итог их жизни.

Цивилизованные Восьмибратовы от литературной критики призывали драматурга показать, что «европейское начало создало в

России иные характеры, иные стремления», упрекали Островского в бессилии творческой мысли, но создатель образа Катерины не мог льстить дельцам, не приглаживал их, но не мог воспевать людей наживы. Актер Геннадий Несчастливцев в гениальном «Лесе», выражая авторскую позицию, лишен счастья в мире стяжателей, он сдирает с них покровы, срывает маски, ему претят христианское ханжество, гнусное лицемерие «верхних». В этом — народность драматурга.

В «Талантах и поклонниках» «хозяин жизни» — помещик, заводчик Великатов противопоставлен не только Дулебову, «важному барину старого типа», но, главным образом, студенту Мелузову, демократу по убеждениям: сердце Негиной, ее душа близки именно Мелузову, а не преуспевающему Великатову. В темном царстве бесчинствуют Хрюковы, Кабанихи, Дикие, Тигрии, Лютовы, Кнуровы (Кнур — хряк, свинья), Боровковы, они унижают человека, но победа остается не за ними, а за Несчастливцевыми. Бесприданница Лариса становится объектом купли-продажи, но, как и Катерина, она «луч света в темном царстве».

Бедный чиновник Карандышев не может сохранить жизнь Ларисы, не может спасти ее от гнусных происков лакеев «желтого дьявола». Одних красивых слов и благородного страдания от унижения маловато для борьбы с несправедливостью.

Корень творчества Островского, по Добролюбову, в том, что нельзя жить под ярмом, нельзя переносить произвол и насилия, ведь дышать невозможно, если рядом — хлыновщина!

Разнузданный самодур Хлынов — образец дикости и невежества — проявится отчасти позднее в чешском Лопатине («За все могут

заплатить»), в наши дни Хлыновы — за океаном, в облинии миллиардеров, лишенных человечности, а горячее, чистое, свободолобивое сердце Параши — в душе народа-созидателя.

Образ Катерины из знаменитой «Грозы» (1859) — свидетельство прозрения русской женщины, с ее глаз спала пелена, она не может, она не в состоянии переносить неволи: «Не хочу здесь жить, так не стану, хоть меня режь». Еще раньше до зрителя доносился голос Нади из пьесы «Воспитанница»: «И такой во мне дух сделался; ничего не боюсь: кажется, режь меня на части, я все-таки на своем поставлю!»

Нам ясно, что добролюбовский анализ «Грозы» был связан с твердым и ясным пониманием жизненной грозы, надвигающейся на самодержавную империю, грозы, которую несла с собой крестьянская революция: созидательные силы народа разобьют оковы, разорвут путы! И ощущение этой исторической правды подталкивало Островского в сторону революционной демократии. Художник не цеплялся за обветшалые схемы, а смело наносил удары по всяческой реакции. Писателю дороги были интересы народные. Даже морально забытый, измордованный своей матушкой Кабанихой Тихон, говоря над трупом утопленника: — «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!» — по существу выражает мысль народную: живому приходится при Кабанихах хуже, чем мертвому!

Невозможно облагородить самодура, превратить купца - хищника в некоего русского Лира. Купец Большов, чтобы утаить перед кредиторами имущество, переписывает его на имя своего зятя и приказчика Подхалюзина, а тот обманывает доверителя. Большов попадает в долговую тюрьму; в стае волков глупо разыгрывать овечку, плуты и мошенники на добродетель не способны.

У Островского при всем богатейшем творческом своеобразии есть пьесы «щедринского плана», таковы: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Доходное место». Генеральская тужурка Крутицкого заставляет вспомнить аракачевское солдафонство. Бесприципный карьерист Егор Глухов может стать и современным стяжателем денег и «славы» где-нибудь в салонах Парижа или Нью-Йорка. Между прошлым и настоящим есть историческое соотношение: злые силы нынешних идеологов холодной войны чем-то близки к «прожектам» и «трактатам» выжившего из ума Крутицкого.

Сатирическое звучание пьес Островского бесспорно: гнев драматурга нам понять нетрудно, мы вместе с писателем, когда он обличает подлого шкурника Юсова и «прекраснодушного», показного либерала Городулина. Сатира Островского высоко поднимает принципы человечности, подлинного гуманизма. Мы видим гуманность и в сатирике-обличителе. Внимательно присматриваясь к Юсовщине, мы лучше осознаем позорную античеловечность нынешнего капитализма.

Обычно появление пьес Островского на советской сцене не расхолаживает аудиторию, а приветствуется нашим массовым зрителем: драматург этот вечен, как солнце. Место автора — в нашем сердце, переживания его героев — Жадова, Ларисы, Негиной — трогают за живое и облагораживают юных современников.

Как сильно ненавидел Островский деспотизм, как он презирал подхалимство, обличал искажение души деньгами; он не пытался скрывать своих симпатий и антипатий. Он мечтал о счастливом будущем человечества, просвещал народ, любя его поэзию, щедро используя фольклор: кто может забыть песню одинокой русской крестьянки над люлькой младенца в народной поэме «Сон на Волге», в пьесе, рисуемой не только жестокого вероломца — воеводу, но и русского Робин-Гуда XVII века —

Романа Дубровина, бунтаря и вожака обездоленных волжан?!

Пороки, изобличенные Островским, были вызваны к жизни определенной эпохой, он связывал своих персонажей с окружающим их миром, и пороки эти показаны им необыкновенно глубоко: это и имел в виду Тургенев, определяя значение литературного труда великого драматурга. Но не только пороки, а и доблести людей и чистота народного сердца привлекали к себе Островского, и они понятны зрителям многих театров в разных странах, в разные эпохи.

Для Островского-психолога характерна глубокая правда характеров, которая появилась в его пьесах в результате самого тщательного исследования душевной жизни современников.

Лев Николаевич Толстой написал Островскому одно из писем прямо-таки пророческими словами: «Я по опыту знаю, — писал Толстой, — как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным, в самом широком смысле, писателем».

Это признание народом писателя в наши дни — факт неоспоримый. Создав русский национальный театр, Островский стал его первым по значению автором: никто из классиков не признан так очевидно, как Островский. В сотнях профессиональных и народных театров советской Отчизны, в тысячах самодеятельных драматических кружков идут его пьесы, «пьесы жизни», как говорил о них Добролюбов. Сочинения Островского у нас любят, чтят, ими гордятся... На них учатся и драматические писатели, и актеры, и зрители.

Н. БАРСУКОВ.